

Апория отца Поре¹. Наставник-иезуит в борьбе с духом нации

Алексей Любжин

- Статья поступила в редакцию в ноябре 2023 г. **Любжин Алексей Игоревич** — доктор филологических наук, директор Департамента истории Университета Дмитрия Пожарского; научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) факультета прикладной математики и информатики, Национальный исследовательский университет «Московский физико-технический институт». Адрес: 141701, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., д. 9. E-mail: vultur@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8322-1762>
- Аннотация Отец Шарль Поре, учитель Вольтера и преподаватель риторики в коллегии Людовика Великого — самом престижном среднем учебном заведении Франции, в течение многих лет пытался воплотить в жизнь свою этическую программу. Он мог действовать личным примером, собственно преподаванием, прямой проповедью своих идей в многочисленных речах и пьесах для школьного театра. Выше всего ставя любовь к Богу, на втором месте — любовь к королю и отечеству, ниже — родственную любовь (отеческую, сыновнюю, братнюю, супружескую), для любви между мужчиной и женщиной он не находил места в своей иерархии, рассматривая ее как отрицательную ценность. Он предложил широкую литературную программу, которая поддержала бы его воззрения, и использовал для этих же целей школьный театр.
- Ключевые слова школьная речь, школьный театр, иезуитская педагогика, любовь, Шарль Поре, Франсуа-Аруэ Вольтер, коллегий Людовика Великого
- Для цитирования Любжин А.И. (2023) Апория отца Поре. Наставник-иезуит в борьбе с духом нации. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 4, сс. 134–150. <https://doi.org/10.17323/vo-2023-16822>

Father Porée Aporia. A Jesuit Mentor in the Struggle with the Spirit of the Nation

Alexey Lyubzhin

Alexey I. Lyubzhin — Doctor of Sciences in Philology, Director of the Department of History, Dmitry Pozharsky University; Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (iASCH Lab), Phystech School of Applied Mathematics and Computer Science, National Research University “Moscow Institute of Physics and Technology”. Address: 9, Institutskiy Ln., 141701 Dolgoprudny, Moscow region, Russian Federation. E-mail: vultur@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8322-1762>

¹ Здесь мы используем слово «апория» не как философский термин, а как греческое ἀπορία в его прямом значении — (почти) безвыходное положение.

Abstract Father Charles Porée, Voltaire's teacher and lecturer in rhetoric at the Lycée Louis-le-Grand, the most prestigious secondary school in France, tried for many years to put his ethical programme into practice. He could act by personal example, by actual teaching, by directly preaching his ideas in numerous speeches and by plays for the school theatre. Putting love for God above all, love for King and fatherland in second place, and kinship love (paternal, filial, fraternal, conjugal) below, he found no place in his hierarchy for love between a man and a woman, considering it a negative value. He proposed a broad literary programme to support his views and used school theatre for the same purpose.

Keywords school speech, school theatre, Jesuit pedagogy, love, Charles Porée, François-Arouet Voltaire, Lycée Louis-le-Grand

For citing Lyubzhin A.I. (2023) Aporiya ottsa Pore. Nastavnik-iezuit v bor'be s dukhom natsii [Father Porée Aporia. A Jesuit Mentor in the Struggle with the Spirit of the Nation]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 135–150. <https://doi.org/10.17323/vo-2023-16822>

1. Curriculum vitae

Шарль Поре (*Charles Porée*, 04.09.1675–11.01.1741)², преподаватель риторики в коллегии³ Людовика Великого и наставник Вольтера⁴, один из самых популярных и влиятельных педагогов своей эпохи, общепризнанный мастер, первенствовавший в таком педагогическом жанре, как школьный театр, — фигура, безусловно заслуживающая внимания. Конечно, мы не можем сейчас использовать напрямую его педагогический опыт, однако его описание поможет нам понять механизмы педагогического влияния, и в первую очередь его ограниченность, которую так ярко подчеркивает сама личность Вольтера, сохранившего глубокое уважение к характеру и талантам наставника, но не принявшего его взглядов⁵. При этом автор «Кандида» был признателен наставнику и ценил его высоко: «Из того небольшого числа преподавателей, которые пользовались известностью среди светских людей. Красноречив во вкусе Сенеки. Поэт и прекрасный ум (*très-bel esprit*). Его величайшая заслуга — в том, что он внушал ученикам любовь к словесности и добродетели»⁶. Ла Сервьере отмечает черты, отличающие

² Основополагающий труд о нем — [La Servièrre, 1899]. Новые работы практически отсутствуют. На русском языке можно найти перевод одной из речей Ш. Поре — о романах (почему-то сделанный не с латинского оригинала, а с комбинации французских переводов): Поре Ш. (1983) О книгах, в просторечии именуемых романами. *Альманах библиофила*, вып. 15, сс. 278–287.

³ Мы будем пользоваться латинским вариантом, а не французским (коллеж).

⁴ О Вольтере в коллегии см. [Pomeau, 1952], с библиографией предшествующих исследований. Рене Помо полагает, что «во всяком случае Вольтер на этих спектаклях приобрел вкус к театру» (Р. 6).

⁵ «Вы, мой дорогой Отец, научили меня <...> умению жить, как и умению писать». Цит. по: [La Servièrre 1899. P. 20].

⁶ Voltaire F.-M. A. *Œuvres de monsieur de V***. Siècle de Louis XIV, Auquel on a joint un Précis du Siècle de Louis XV Nouvelle Édition faite sur l'Édition de Geneve...* T. I. Neuchatel, 1783. P. 192. «Стиль Сенеки» в другом месте формулируется у Вольтера как упрек: «Антитезы Поре». Сами по себе «антитезы» не со-

Поре от многих коллег: он был только наставником, трудился всю жизнь в одном месте и — кроме того — если его предшественникам доводилось иметь дело с детьми, выносящими из семейного круга те же ценности, какие одобрялись в коллегии, то поколение учеников Поре, родившихся в последние годы царствования Людовика XIV или при Регентстве, уже было заражено скептицизмом [La Servièrre, 1899. P. IX–XI]. Нам предстоит рассмотреть его педагогический инструментарий. В качестве ключевого понятия, сообразно французским нравам и основному направлению воспитательных усилий о. Поре, мы возьмем любовь (*amor*).

У о. Поре, человека благочестивого, целомудренного (и ставившего целомудрие очень высоко), ревностного в вере и преданного короне, было четыре инструмента воздействия на учеников: личный пример, собственно преподавание, школьный театр и непосредственное высказывание идей, которые он считал важным внушить юношеству. Кроме первого, все эти инструменты отражены в печатных текстах (в основном на латинском языке⁷). В на-

держат порицания, но они появляются в контексте «пресности» и «сухости», которые инкриминируются другим авторам: [Voltaire, 1760. P. 53]. Этот стиль был выбран сознательно (Chaudon L.M. Les Grands hommes vengés, ou Examen des jugements portés par M. de V, et par quelques autres Philosophes, sur plusieurs Hommes célèbres, par ordre alphabétique... Par M. des Sablons. T. I. A Amsterdam, & se trouve à Lyon: J.-M. Barret, 1769. P. 245–247): «Г. де В <...> насмехается над антитезами Поре. Может быть, он прав; но не дело ученика — критиковать учителя, тем более учителя, который избрал такой стиль исключительно для пользы учеников. “Помнится, — говорит аббат Дефонтен, — у меня как-то была с ним беседа о вкусе того рода красноречия, к которому он привязался. Он мне сказал: ‘Мне было бы легко взять — как и другому — Цицероновский стиль гармонических периодов. Но в речах на публику мне приходится выступать перед аудиторией, которую этот стиль — употреби я его — утомят бы. Меня слушали бы — а может быть, и поняли бы — лишь немногие лица. Рубленый стиль мне кажется более подходящим для академических речей. Он также более приноровлен к тому, чтобы изодрать ум юношей и упражнять их воображение’. Я ответил ему, что такой вкус в области красноречия не образует никогда ни Боссюэтов, ни Бурдалу; он с этим согласился; но он добавил, что начинать образование юношества нужно со сжатого стиля, живого и несколько эпиграмматического, прежде чем предлагать ему стиль тяжеловесный, с периодами, возвышенный; что юноши на это не способны, а с другой стороны, у них не оказалось бы предметов, для которых подходил бы этот стиль; стараясь быть ритмичными и порывистыми, они оказались бы многословными декламаторами, — ведь часто это красноречие — не более чем помпезное разглагольствование”».

⁷ Статья «Коллегиум» в даламбертовской «Энциклопедии», признавая, что о. Поре вызывает восхищение своими личными качествами, классифицирует его латынь как «жаргон». Если понимать под этим искусственную заостренность формулировок, вообще сильный искусственный элемент, это обвинение справедливо (Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, Par une Société de Gens de lettres. Mis en ordre & publié par M. Diderot, de l'Académie Royale des Sciences & des Belles-Lettres de Prusse; & quant à la Partie Mathématique, par M. d'Alembert, de l'Académie Royale des Sciences de Paris, de celle de Prusse, & de la Société Royale de Londres. T. III. A Paris: Briasson, David l'aîné, Le Breton, Durand, 1753. P. 636).

шей работе его речи мы используем почти в полном составе, из пьес возьмем только одну — о мученике Агапите, а что касается его педагогической практики, нам известна только одна публикация, ее отражающая. Но прежде чем приступить к анализу его учебной и литературной деятельности, следует сказать несколько слов о его жизни.

Родился он 14 сентября 1676 г. в приходе Ванд (*Vendes*), недалеко от Каэна в Нормандии, в хорошей мещанской семье с хорошими связями. Опыт его раннего детства был вполне благоговорен. В Каэне, в иезуитском *collège du Mont*, он получил образование. Учебное заведение пользовалось высокой репутацией, и Шарль Поре учился с отличием. Он решил вступить в Общество Иисуса (1692 г.). Два года он провел в парижском новициате, а потом еще один там же — чтобы окончить обучение словесности; затем его командировали в Ренн наставником. Начал он с предпоследнего класса и — по иезуитскому обычаю — сопровождал учеников вплоть до риторики (1701 г.). После этого Шарль Поре вернулся в Париж, завершил философское и богословское образование и в 1705/1706 г. получил священнический сан. Ставя попечение о душах выше успехов в ораторском искусстве и словесности, он домогался отправки в миссию к неверным. Просьба, однако, не была удовлетворена. После двух лет, проведенных в Руане в преподавании риторики в местном коллегииуме и в духовных упражнениях, завершивших его новициат, Шарль Поре был назначен преподавать риторику в коллегииуме Людовика Великого⁸. Этим он будет заниматься всю свою жизнь. Этот пост — учитывая «столичный», аристократический характер ученического корпуса школы и ее близость к двору — имел чрезвычайную важность и требовал незаурядных способностей. В отличие от многих иезуитов-современников Поре отказывался от светских развлечений, сосредоточившись на своем ремесле и духовных упражнениях. Смерть его настигла в возрасте шестидесяти четырех лет из-за пилорического стеноза с воспалением: Шарль Поре по своей привычке до конца отказывался покинуть пост, и медицинские меры запоздали. Глубокую скорбь по этому поводу выражали многие — от учеников и коллег до короля Людовика XV. Один из его любимых учеников, кардинал де Берни оставил о нем такие воспоминания: «О. Поре был одним из самых почтенных людей, кого я знал; его почитали как отца, его уважали как наставника; ко всем его талантам присоединялись простые и возвышенные добродетели; это был святой, исключительно суровый к себе самому, весьма снисходительный к другим» (цит. по: [La Servièrre, 1899.

⁸ Ныне Лицей Людовика Великого (*Lycée Louis-le-Grand*). Это одно из самых престижных учебных заведений Франции, если не самое престижное. Подробная история: [Dupont-Ferrier, 1921]. Впрочем, о. Поре в ней только упоминается: vol. 3, pp. 131, 136.

Р. 19]). Источники отмечают его наивность, неопытность в делах и неспособность к отправлению руководящих должностей [Ibid. P. 24]. Эдит Фламарион пишет о нем: «Поре — не самая малая величина среди наставников Общества; его преподавательская репутация высока. Прошло много времени после его смерти, когда князь де Линь приводил в своих “Записках” его пример как совершенное воплощение иезуитской педагогики. Еще сотню лет спустя под перо Александра Дюма подворачивается имя “Поре”, когда он в “Жозефе Бальзамо” воскрешает в памяти классы коллегиума Людовика Великого. Длительная посмертная слава коренится в предельном масштабе современной известности: об этом свидетельствуют похвалы учеников, и прежде всего вольтеровы <...> Равным образом от противного ее удостоверяют ярость регулярных атак со стороны хулителей-янсенистов <...> и многочисленные анонимные памфлеты, избравшие его своей мишенью» [Flamarion, 2002. P. 3]. Рассмотрим последовательно его речи, театр и педагогику.

2. Речи Для анализа идей, высказанных в речах, мы воспользуемся более полным и более поздним изданием 1756 г.: *Porée Ch. Caroli Porée e Societate Jesu Sacerdotis Orationes quotquot reperiri potuerunt omnes. Nova apud Germanos Editio recognita et emendata in IV. partes distributa. Cum facultate superiorum. Moguntiaë & Francofurti ad Mœnum: Impensis Francisci Varrentrapp*⁹. Для удобства чтения его содержание будет приведено в таблице. Ссылка будет даваться на часть и номер речи. Будет сохранено деление на четыре части (речи о священных предметах, панегирики, учительские и академические речи). Антитетический характер, свойственный «рубленной» прозе Поре на микроуровне, отчетливо проявляется и в структуре речей: они делятся на две (очень редко на три) части, что не свойственно в целом школьной ораторской прозе¹⁰.

Начнем с ключевой мысли, которая высказана в речи о театре¹¹. Сразу оговоримся: мы придаем ей такой статус потому, что, если ее извлечь, все воззрения о. Поре рушатся и его педагогика виснет в воздухе (III, 5. P. 156): «Вещь, которая по своей природе

⁹ «Высшие лица Общества редко предпринимали публикации трудов его учителей. Этот переход от устного к письменному, несмотря на всю силу недомолвок автора, известного своей скромностью, значим: здесь мы сталкиваемся с воистину публичным словом, широко распространившимся и на деле “авторизованным”» [Flamarion, 2003].

¹⁰ Распределение материала никак не считается с хронологией; мы тоже не будем ее учитывать, поскольку воззрения Поре представляют собой единый и неизменный комплекс, они рано сложились и не претерпевали — как следует из всей совокупности текстов — глубоких изменений.

¹¹ Приведем мнение Анны-Софии Галло: «Центральная идея речи, т.е. что театр может быть “школой добродетели”, конечно, не нова, но, как представляется, мы обязаны отцу Поре формализацией этого правила, которое с успехом подхватывали современники в течение всего XVIII века» [Gallo, 2015. P. 179].

Часть	№	Заглавие	Перевод
I. Orationes Sacrae	1.	In Natali Christi	На Рождество Христово
	2.	De Christo patiente	О Христе страдающем
	3.	De Adventu Spiritus Sancti	О сошествии Святого Духа
	4.	In Festo Sanctorum omnium	На празднество Всех Святых
	5.	De Amicorum delectu	О выборе друзей
	6.	De Librorum amatoriorum fuga	О том, что следует избегать любовных книг
II. Orationes Panegyricae	1.	Serenissimi Principis Ludovici, Franciae Delphini, Laudatio Funebris	Надгробная похвала Его Высочеству Людовику, дофину Франции
	2.	Gallis ob victoriam reducem Gratulatio	Поздравление французов с возвращением победы
	3.	Ludovici Magni Franciae & Navarrae Regis, Laudatio Funebris	Надгробная похвала Людовику Великому, королю Франции и Наварры
	4.	De Principe, qualis futurus sit; utrum iam inde ab eius pueritia augurari liceat?	О Государе, каким он будет: можно ли предвидеть это уже по его детству?
	5.	Ludovico XV. recens uncto & coronato Gratulatio	Поздравление Людовику XV с недавним помазанием и коронацией
	6.	Regi Christianissimo Ludovico XV. Regni moderamen capessenti	Христианнейшему королю Людовику XV, берущему в свои руки кормило царства
	7.	In Ortu Serenissimi Delphini Gratulatio	Поздравление с рождением Его Высочества дофина
III. Orationes Didascalicae	1.	De eloquentia. Quare varia sit apud varias gentes, mutabilis apud eandem gentem Eloquentiae forma?	О красноречии. Почему форма красноречия разнообразна у разных племен, переменчива у одного и того же племени?
	2.	De Satyra. Utrum Satyra in civitate benemerata, & quatenus admittenda sit?	О сатире. Можно ли допустить — и до какой степени — сатиру в государстве с добрыми нравами?
	3.	De Panegyricis Orationibus	О панегирических речах
	4.	De Criticis	О критиках
	5.	De Theatro. Theatrum sit ne, vel esse possit Schola informandis moribus idonea	О театре. Является ли — и может ли являться театр школой, пригодной для воспитания нравов?
	6.	De Libris, qui vulgo dicuntur <i>Romanenses</i>	О книгах, называемых романами
IV. Orationes Academicae	1.	Utrum iure an iniuria Galli <i>levitatis</i> accusentur?	Справедливо ли — или несправедливо — французов обвиняют в легкомыслии?
	2.	Utrum informandis Heroibus magis idoneum Regnum, an Respublica?	Что пригоднее для воспитания героев — монархия или республика?
	3.	Ut in Castris sic in Foro suum heroicis virtutibus locum esse	Как в войсках, так и в суде есть место героическим доблестям
	4.	De Usu ingenii. Sive in eos qui non utuntur ingenio vel ingenio abutuntur	Об употреблении таланта. Или против тех, кто либо не употребляет талант, либо злоупотребляет им
	5.	In Doctrinis quanti referat neque nimis neque minus credere?	Насколько важно, когда речь идет об учениях, не быть ни слишком доверчивым, ни слишком недоверчивым
	6.	Quae debeant esse Vota Galliae pro Saeculo proximo futuro!	Чего должна пожелать себе Франция с наступлением нового века!

может быть благодаря искусству правильной или извращенной, по большей части в силу нашей порочности склоняется в дурную сторону». Человеческая природа удобопревертна ко злу; иезуитская педагогика последовательно стремится удалить соблазны; если нужна евангельская цитата, которая лучше всего описывала бы ее, то это, несомненно, будет «Не введи нас во искушение». В речи «О сатире» Поре утверждает (III, 2. P. 35): «Когда я говорю о государстве с добрыми нравами, не понимайте под этим, слушатели, такое, которое, как вымышленное платоновое государство, обладало бы безупречной чистотой нравов; такое, думаю, не существовало и раньше (велика извращенность человеческой природы!), не будет существовать и впредь. Я имею в виду такое, которое управляется наилучшими законами, откуда, насколько это возможно, удалены побудительные мотивы пороков и куда введены, в как можно большем количестве, средства поощрения добродетелей». Ни на что нельзя положиться вполне. Подростки страстно желают удовольствий и услаждений, на что направлена их дружба (I, 5. P. 62–63). Нельзя довериться народу: «Нет ничего столь серьезного, что не потрясла бы легковесность народа» (IV, 3. P. 84). Даже и ревность в вере, не знающая меры, может быть порочной: религия «сколько может посоветовать благого порядочным и опытным людям, столько *смогла присоветовать злого* злонамеренным и неопытным» (P. 86)¹²; «чернь, обманутая чрезмерной либо слепой любовью к религии» (P. 103). Энтропия — естественный процесс, когда человек пребывает в покое; в ранней речи о наступлении нового века (IV, 6) вторая часть посвящена благам мира, но в первой утверждается, что нельзя отказаться от войны: французы не лучше персов, греков, римлян, и, если тех изнежил длительный мир, с ними будет то же (P. 197). Вот яркое описание этой энтропии: «Стало быть, пусть будет так: Франция, со всех сторон огражденная от военной опасности, будет в мире в течение целого века. Что же из того выйдет; Сначала каждый — отдышаться от прежних трудов; возмещать свой ущерб, увеличивать имущество, нагромождать богатства, во всем обеспечивать жизнь легкую и с удобствами. До сих пор в этом нет ничего дурного, если бы только человеческое легкомыслие и невоздержанность могли блюсти меру в благоприятных обстоятельствах! Но увы! сколь краток путь от легкой и удобной жизни к изнеженной и расслабленной!.. Место благородного досуга займет подлая праздность, а прекрасное стремление к славе будет погашено пустым честолюбием... И, наконец, добродетель победят пороки разного рода» (P. 195–196).

¹² Здесь о. Поре цитирует даже три последних слова (выделяя курсивом, но не называя автора) идеологически опасного стиха из Лукреция, чья философия никогда не пользовалась расположением церкви (I, 101: *tantum religio potuit suadere malorum*, «столько религия смогла присоветовать злого»).

Итак, что же может сделать наставник в столь опасной ситуации? Добродетель должна получить свои награды, к которым она стала бы стремиться, а соблазны следует тщательно устранить из жизни. Начнем с первого.

Это патриотический и героический аспект речей о. Поре. Похвала французской нации звучит в речи, отвечающей на обвинение французов в легкомыслии (IV, 1). Есть вещи, где легкость уместна, а есть — где неуместна. И в случаях второго типа никакой легковесности французы не проявляли (основной пример — в религии; кроме того, постоянство нужно в форме государственного управления, в оружии, в верности договорам). Там же, где подвижность не подлежит осуждению (постройки, кухня, одежда — да, во Франции все это меняется, и этому подражают все), французы двигаются по пути усовершенствования. Приведем пример, касающийся языка (и одновременно яркий пример прозы о. Поре — контрасты он любит, но прозаические рифмы, гомеотелевты, у него встречаются очень редко): «Но если легковесность приемлема до такого предела, не стоит ли страшиться, что эта легковесность отнимет у языка какое-либо достоинство или привьет ему какой-либо порок? Пусть такого боятся племена, ежели найдутся, которые легковесны без рассудка и без вкуса; мы же, кого легковесными делают трудолюбие и пронизательность, будем свободны от этого страха. У французского языка до сих пор не было никаких причин раскисать в нашей легковесности. Чего мы лишили его своей подвижностью? Некоторых слов, варварских по характеру, от которых он бы топорщился; грубых в произношении, от которых он бы морщился; с ничтожным значением, от которых усыхал бы; гордых и спесивых, от которых набухал бы; от преувеличений, за пределы правдоподобия выходящих; от сочиненных на греческий манер, простоте его вредящих. И если, лишенный всего этого из-за нашей легковесности, французский язык будет жаловаться, пусть жалуется и меч, откуда напильник убирает ржавчину» (Р. 24). Большими достоинствами обладает «парижский народ» (IV, 3. Р. 102), «столь же послушный государям, сколь сам достойный называться государем народов». «Хотя у прочих наций нет такого рода превосходства, на который не могла бы с полным правом притязать французская нация, известно, однако же, что она более всего находила себе славу не в чем ином, нежели в военной доблести, а найдя, должна ее сохранять и преумножать» (IV, 6. Р. 190). «Франция — плодovitейшая создательница талантов всякого рода» (IV, 5. Р. 151).

Как же воспитывается герой? О. Поре считает, что в монархиях для этого почва лучше. Этому посвящена отдельная речь (IV, 2). В монархиях больше мотивов для геройства и больше видов доблестей (Р. 39). Этих мотивов три: жажда славы, любовь к государю и награда за труды (Р. 41). В монархиях «сама академиче-

ская молодежь, не то чтобы отвращалась от аполлоновых лавров, но ожидает другой жатвы; не только ропщет на то, что слишком медленно подрастает, но винит и саму медленность войн» (IV, 2. P. 34). «Этого не чувствуют и не понимают граждане, рожденные или воспитанные в республике, которых к смелым поступкам не побуждает никакая любовь: ни к знатым, которым они завидуют, ни к народу, который презирают» (P. 44). И здесь — один из ключевых пунктов концепции любви: «Мы понимаем и чувствуем, что не только почитаем наших королей как властителей, не только следуем за ними как за вождями, но и любим как отцов, даже в каком-то смысле и больше, чем отцов. Сыновняя любовь к отцам обычно бывает робкой; она отваживается на меньшее, нежели в состоянии сделать. Она ленива; движет медленно. Она скупа; меньше дает, чем получает. Любовь же граждан к государю отважна; она предпринимает больше, чем ей по силам; она обладает крыльями — летит, куда приказано; она расточительна — дает государю то, что не может получить от государя, а именно — кровь, дыхание, жизнь и дух, готовый отважиться на все опасности» (P. 44–45). Республики противопоставляют этому любовь к свободе (которую французы не меньше любят потому, что подчиняются одному властителю, а не многим). Республика в глазах Поре — не мать, а мачеха (P. 53).

Чрезвычайно интересен героический идеал в исполнении о. Поре. «Создание героя начинается мужеством души, воспитывает военная наука, доводит до совершенства человечность» (P. 56)¹³. Первое не приобретается, хотя и тренируется (P. 57). Второе лучше изучается в монархиях, которые более воинственны и где каждый предназначен к чему-то одному (P. 63–64). «Мы начали создавать героя, мы его образовали; но он еще не доведен до совершенства, и не будет, если к мужеству и знанию военного дела не прибавится человечность в нравах. Пусть герой жесткий, необщительный, с тяжелым характером держится от нас подальше. Мы ищем героя, который, возвышаясь над толпой военными дарованиями, снисходил бы до прочих людей удобными нравами и был бы из всех как выдающимся, так и человечнейшим» (P. 74). Такая человечность не зарождается в республиках из-за сознания свободы, производящего высокомерие, не приобретается легко из-за суровости нравов, не проявляется из-за подозрительности (приведенный о. Поре пример — Мильтиад).

Определив воспитательные задачи, обратимся к инструментам. И здесь фактор личного примера понятен, но самому о. Поре

¹³ Эдит Фламарион подчеркивает: «Таким образом *humanitas* — основное качество, восхваляемое Поре, и он умело пользуется двусмысленностью этого понятия: “доброта, благожелательность” по отношению к людям, но одновременно и “принадлежность к человеческому роду, качество человеческого существа”» [Flamarion, 2003].

очень трудно выйти за свои рамки и быть примером, например, в военных добродетелях. Отчасти компенсацией в этой области является речь IV, 3, также очень важная для понимания концепции любви. Любовь к отечеству в армии — героическая. Она совершает великие дела; но не меньшие совершаются и на форуме. «Благодеяния любви следует расценивать по самому делу, а не по тому оружию, которым она пользуется» (Р. 82); «любовь к отечеству, благотворительная без награды, великолепная без чванства, героическая без лавра» (Р. 98). Но основной инструмент, который обсуждает о. Поре, — формирование литературного пространства.

К числу положительных факторов литературы как инструмента воспитания относятся панегирики (III, 3). Это очевидно уязвимый жанр: все любят похвалы себе, но не другим. Панегирик как таковой содержит опасность лести. Но похвалы — это лучшая награда для доблести (не богатства, не титулы и почести), и отказывать в ней было бы чудовищной неблагодарностью. Так считал мудрейший народ — греки, и нам ли отклоняться от их мнений в этом случае? В государстве очень важны побудительные мотивы к деятельности, поощрение доблести. На погребениях римлян «сгорали тела, украшенные полученными в боях за отечество ранами» (Р. 82)¹⁴. Все, что относится к принципам сочинения панегирика, можно описать тремя словами: доблесть, награда, побуждение (Р. 85). При всей важности таких литературных похвал, которые дополняют лавры героя, Поре в этой области больше ничего не предлагает, кроме театра, к которому мы обратимся ниже. Как читатели, французы далеко не заслуживают таких похвал, как солдаты: «обжоры, ненасытные до всяких новых книжек, почему, отвергнув удовольствия от аттической или римской литературы, вы питаетесь всеми французскими лакомствами с таким жадным ртом и с таким душевным удовольствием? Привлекает ли вас любовь к здоровой пище и к хорошему вкусу? Сознаемся, в чем дело. Вас обманывает в глупой доверчивости любовь к новизне и к сладкому. Она оглушает ваше небо и делает так, что вкусное печенье вы предпочитаете здоровой еде» (IV, 5. Р. 161). А сейчас посмотрим, как делает — или по крайней мере должна делать — свое дело цензура. Некоторые запреты формулируются в речи «Об употреблении таланта» (IV, 4). О. Поре начинает с того, что нынешнее положение дел неудовлетворительно: «Не употребляющие свой талант или злоупотребляющие им пользуются в театре и в школах безнаказанностью» (Р. 114). Так поступать нельзя:

¹⁴ Отметим в этом месте интересную словесную игру. Когда Поре пишет, что «любовь к отечеству нужно предпочесть всем другим видам любви» (*ad caritatem patriæ omnibus præponendam amoribus*), он для любви использует разные слова: в высшем смысле — с христианской окраской (*caritas*), затем — общераспространенное и универсальное слово (*amor*).

в отличие от золота, «талант возрастает, если его употреблять, а не тратится» (IV, 4. P. 115). Мы рождены не для себя, а для отечества. Оно требует не от всех одинаково и щадит то, что можно щадить, но талант от использования не убывает, и оно требует его величайшего использования (P. 123). Не всем и не обо всем можно позволить писать: политика закрыта как тема для частных лиц, религия — для светских (P. 135). Особенно от богословия следует воздерживаться женщинам (P. 136–137). Отметим, что женское влияние Поре вообще не считает благотворным. Здесь же он продолжает: немногим женщинам можно позволить писать послания и басни, «а также иные произведения такого рода, где больше изящества и блеска, меньше силы и учености; еще для меньшего числа я согласился бы на трагедии, где им ума хватает, а дыхания — нет; совсем для немногих — на философию, для которой у них обычно в избытке желания, но мало постоянства, и ни для кого — на богословие, где они обращаются редко с прибытком, очень часто — с опасностью» (P. 137–138).

Точно так же должны быть ограничены права на сатиру (III, 2): она по природе относится к тем вещам, которые могут быть весьма полезны, но сильно навредить по чужой вине. Из государства с добрыми нравами сатиру не следует совершенно изгонять, но и допускать нужно с предосторожностями (P. 35). Но в тех рамках, в каких сатира допустима, она очень полезна: «с необходимостью возникает множество пороков, которые нельзя отвратить законами, но можно сдерживать сатирой, да и те, которые отвращаются законами, сатирой сдерживаются успешнее» (P. 35–36). Закон не сдерживает пороки, основанные на низости (*turpitude*) и неотесанности (*insulsi-tas*). Они требуют жала сатиры, а не меча правосудия (P. 38). Сатира эффективнее церковного красноречия и философии (P. 45–46). Но не всем и не обо всем можно писать сатиру: ее дозволено писать тем, «кто любит отечество и пишет только ради его исправления; кто же порицает чужие пороки по частным мотивам или в силу ненависти, тому нельзя позволять писать сатиры» (P. 47–48). Правителей и судей сатира трогать не должна (P. 64). Даже Гораций и Ювенал кажутся о. Поре неприемлемыми (P. 52)¹⁵.

Но самое важное — удалить от молодежи любую литературу, которая могла бы вызывать похоть. Поре признается: «навязать молодежи полезные книги для чтения, а пагубные отнять, чтоб не читали, — совсем непросто. До того в наше время погибель сладостна, а выздоровление — печально и горько!» (I, 6. P. 77). Эта

¹⁵ У царей свое возмездие: нельзя метать в главу государства сатирические стрелы, чтобы они не отразились и не попали в тело самого государства. Это таит величайшую опасность. Государи подвержены не высказанному в словах суду народа, отсутствие похвал для них означает порицание, и они подвержены суду истории. История же, если и не наставница живых, будет обвинительницей мертвых (P. 65–67). Отметим, что у о. Поре в текстах речей содержится не одна скрытая цитата из Горация.

проблема затрагивается в речи о романах (III, 6). Романы бывают разные; Поре подчеркивает, что его интересуют в данном случае вымышленные истории о любви¹⁶. Здесь о. Поре сражается с духом нации и признается, насколько тяжела борьба.

Теперь обратимся к театру, который станет точкой соприкосновения. Прежде всего нужно отметить громадную роль театра во французской жизни и культуре. В речи, посвященной театру (III, 5), которая состоит из двух частей — может ли театр быть воспитательным инструментом и является ли он таким на деле, — очень ярко описывается эффект; если заменить театр кинематографом, реплика его будет звучать пугающе современно: «Если и есть некоторый блеск у каких-нибудь примеров, когда их читаешь в домашней тени, когда они предстают перед глазами голые, без цвета, без украшений, в одежде из одних только слов, — то насколько ярче они сияют, когда взираешь на них при мощном театральном освещении, когда они предстают перед нами в лице актеров, в своей одежде, со своей расцветкой, со своими знаками отличия, с великолепным оформлением сцены? И если в некоторых жизненных примерах что-то есть, когда они вверены бездушной бумаге или пригвождены к немым буквам — или уж беззвучно красноречивым, то насколько больше в них души, когда они оживают в актерах, когда движутся, когда говорят, с воодушевлением, звонким голосом, красноречивым жестом? Ведь на сцене они предстают в таком виде. Там все выражается так живо, что подражание часто побеждает самую истину. Ты мог бы поверить, что, отмотав назад столетия, сжав пространство, ты внезапно перенесся в те времена и места, где свершилось дело» (Р. 147–148). Это справедливо и для школьного театра: «Они переносят учеников из темной и низкой словесной школы в возвышенную и блистательную школу театра, где юноши, которым предстоит играть лиц, некогда великих в государстве, своевременно научились отвергать или любить то, что, как они видели, встречают со смехом или рукоплесканиями на домашней сцене» (Р. 153).

Удобная, по мнению Поре, для формирования нравов школа снабжена наставлениями и примерами (философия дает первые, история — вторые). Театр в обоих качествах может с ними поспорить (Р. 140). Театр охватывает все состояния, все добродетели и пороки (Р. 141). Наставления в театре шире философских: «Он не скрывает ничего, что достойно какого-либо внимания: не только остерегается непорядочности, но и пошлость не оставляет безнаказанной» (Р. 142). Театр обладает тремя источниками наставлений: это человеческая глупость, возбуждающая смех, человеческая мудрость (для тушения пожаров похоти и очищения от человеческих пороков) и божественная мудрость, к которой нужно

¹⁶ От романов страдает не только нравственность. Пока будут читаться романы, будет пребывать в угнетенном состоянии словесность (Р. 204).

прибегать нечасто (Р. 142–143). История также менее эффективна в воспитании, нежели театр: у нее нет — в отличие от последнего — возможности выбора, и она не всегда исполняет воспитательное требование о наказании порока (Р. 146–147).

Во второй части наставник-иезуит дает решительный бой духу нации. Он обрушивается на трех крупнейших французских драматургов. Трагедия «в чувствах французов распалает двойную страсть, которой нет пагубнее для христианства, — я имею в виду жажду мести и похоть любви». Корнель возбуждает страсть к дуэлям дурным примером испанского героя (Р. 159). Хорошо еще, что Корнель не был склонен к любовной тематике. Но этот порок выпал на долю Расина, который «все стремление имел к разжиганию в трагедиях любовных огней — или к тому склоняла его более мягкая природа, или так ему советовало жгучее стремление к славе» (Р. 160). Корнель и Расин — это орел и голубь (Р. 161). В отличие от ужаса, любовь — такое чувство, чьи приманки нужно побеждать, «не идя навстречу, но отвращаясь, не чувствами, но свободой от них, а если возможно, то и неведением». Античная комедия Поре не нравится. Мольер (не названный по имени) обвиняется в том, что он высмеивал маловажные вещи (Р. 164). «О нем с полным основанием будешь думать, лучше ли он по природе или от искусства? И в том и в другом он наилучший, как и в том и в другом — наихудший; и настолько же худший, насколько лучший, поскольку нет ничего хуже, чем лучший художник худого» (Р. 168). В другой речи Поре горько высказался о безнадежности положения: «Стало быть, всегда театр, воздвигнутый христианами и у христиан, будет пылать безумными и романическими любовными страстями? Всегда. Разве только рухнет от какого-либо тяжкого случая и погребется под собственными обломками. Романическая муза устроила в нашем театре пожар, подобный тем пожарам, как мы иногда видели или слышали, как пылали гордые здания всей своей громадой, — такой тушится только крушением. Стало быть, лучше было погибнуть трагедии раньше, чем она заразилась романической любовью? Несомненно; если целомудренной матери семейства подobaет скорее умереть, чем пережить позор» (III, 6. Р. 196).

3. Школьная пьеса и риторические упражнения

Шарль Поре считается ведущим мастером школьного театра¹⁷. Самая знаменитая его пьеса — *Agapitus, martyr*, «Мученик Агапит»¹⁸. В качестве примера мы рассмотрим именно ее. Дата постановки —

¹⁷ Сравнительно недавно была переиздана другая пьеса из наследия Поре — «Брут» (1708) [Flamarion, 2002]. Это издание осталось для нас недоступным, кроме введения.

¹⁸ [Porée, 1757]: Porée, Charles. *Caroli Porée e Societate Jesu, Tragœdiæ, Editæ opera P. Cl. Griffet, ejusdem Societatis Sacerdotis. Lutetiæ Parisiorum: Apud Viduam M. Bordelet, Bibliopolam, e regione Collegii Ludovici Magni. M. DCC. LVII. P. 379–477.*

1722 г., сюжет почерпнут из Баронио; литературным образцом является «Полиевкт» Корнеля, как сообщает Ла Сервьере; он считает пьесу «лучшим вдохновением» Поре [La Servièrre, 1899. P. 260]. Интермедии, предназначенные для музыкально-танцевального исполнения¹⁹, написаны по-французски; диалогические части — латинские²⁰.

Сравним пролог «Агапита» с прологом героического балета *Les Indes galantes*. Влияние одного на другое исключено или маловероятно: шедевра Рамо на Поре — в силу хронологических соображений, обратное — в силу разницы статуса. Тем символичнее контраст. В балете Рамо богиня юности Геба призывает к себе молодежь, которая откликается на ее призыв²¹. Музыкально-танцевальная прелюдия спектакля Поре — языческая молодежь обращается к кумиру Гебы, но он не отвечает на призыв; а затем христиане разрушают его²². Аналогичная машинерия служит зеркально противоположным идеологическим целям: в «Галантных Индиях» пролог вводит четыре любовные истории, в «Агапите» — любовь к Богу ставится выше любви к отцу (половая любовь почти не затрагивается). Впрочем, музыку к интермедиям, как сообщает реннское издание трагедии, написал композитор с именем — Андре Кампра²³.

Агапит, единственный сын Антиоха, может сделать карьеру при дворе, но его собственный выбор — служить единственному Богу, и он разбивает алтарь Гебы. Наместник провинции Метелл, расположенный к Антиоху, пытается вместе с ним вернуть Агапита к язычеству. Для юного героя Бог — воплощение любви («Я слишком поздно полюбил тебя, о вечная любовь»²⁴). Он выше прочих ценностей:

¹⁹ О музыке и танцах в театре коллегиума во время обучения там Вольтера см. [Demeilliez, 2019]. Интересно наблюдение: за время пребывания Вольтера в коллегиуме там было «продекламировано» девять трагедий на ветхозаветные сюжеты, семь на сюжеты из древней истории и три — на мартирологические сюжеты (P. 154). К трагедии обычно «привязывался» балет.

²⁰ Французские рифмованные пассажи для точности переводятся прозой; латинские — ямбическим триметром (кроме самых кратких, которые также воспроизводятся прозаически).

²¹ Fuzelier L. (1735) *Les Indes galantes, ballet héroïque représenté pour la première fois, par l'Académie Royale de Musique; Le Mardy vingt troisième d'Aoust 1735. De l'Imprimerie de Jean Baptiste Christophe Ballard, Seul Imprimeur du Roy & de l'Académie Royale de Musique.* [Paris]. P. 3–5.

²² [Porée, 1757]: Porée, Charles. *Caroli Porée e Societate Jesu, Tragœdiæ, Editæ opera P. Cl. Griffet, ejusdem Societatis Sacerdotis. Lutetiæ Parisiorum: Apud Viduam M. Bordelet, Bibliopolam, e regione Collegii Ludovici Magni. M. DCC. LVII. P. 379–477.*

²³ Porée Ch. (1742) *Agapit Martyr, Tragedie Représentée sur le Théâtre du Collège de la Compagnie de Jesus, Et dédiée à Monsieur de Viarme de Pontcarré, Intendant de Bretagne, Par les Acteurs de la Tragedie & du Ballet. A Rennes: Chez Joseph Vatar... Avec Approbation & Permission.* P. 1. Интересно, что эта — полностью французская, со стихотворным переложением диалогических частей — версия вышла в свет раньше сборника, содержащего авторский текст. Там же сказано о нетерпении, с каким ожидается сборник трудов Поре.

²⁴ [Porée, 1757. P. 402].

Спасение отечества и Цезаря
Когда зовет на битву — не прекрасно ли
Пасть от руки врагов? Но пасть за Господа
И кровь пролить — какая честь великая!²⁵

Для того чтобы сломить непреклонность сына, которого должны пытать и казнить, нужно более сильное средство: отец находит такое.

Колеблется; прекрасно! Благочестие
В его природе узнаю: боится он,
Что вместе я погибну. Бить же надобно,
Где уязвим: нашел я эту сторону.
Солгу, что за него жестокой смертью
Меня казнят; боль ощутив сердечную,
Почтит отца — почтит богов отеческих...²⁶

Юные христиане, выходящие на сцену в интермедии, подвергаются сомнению любовь язычников во всех ее видах: «Любовь или ненависть — желать, чтобы сыновья носили те же цепи, что и отцы?»; «Если бы вы их любили меньше, вы их любили бы лучше!»; «Будем любить, христиане, будем любить — Господь так повелевает — тех, кто дал нам жизнь; но будем иметь еще более любви к тому, который один может сохранить то, что дает». И наконец, они обращаются к Господу: «Ты управляешь нашей судьбой, управляй и нашей любовью»²⁷. И тем более ради Господа должна быть растоптана в прах полая любовь: «Чтобы воспевать смертные красы, любовь истощает все звуки и питает в сердцах преступное пламя преступными песнями. Сожженные чистейшим пламенем, мы следуем законам святой любви; будем воспевать Творца природы, посвятим ему сердца, посвятим ему голоса»²⁸. Отцовский замысел терпит неудачу. Лишь пролитая кровь доказывает любовь к Богу²⁹:

...Ты, Бог Христова племени,
Кто ломит сильных мощь непобедимую
И укрепляет слабых этой силою,
Приди на помощь: дай мне грудь бесстрашную
И гордость; за Тебя от кар мучительных
Не отрекаюсь; дай лишь мне терпения!³⁰

²⁵ [Porée, 1757. P. 404].

²⁶ Ibid. P. 407.

²⁷ Ibid. P. 412–414, 417.

²⁸ Ibid. P. 418.

²⁹ Ibid. P. 437.

³⁰ О сценах жестокости в иезуитском театре (традиция театра Сенеки) см. [Chevalier, 2010]. «В трагедии мученичества каждый зритель может отождествить себя с жертвой, чье положение христианина принадлежит и ему. Некоторым образом он присутствует при смерти, которая могла бы быть его

Удовольствие и мука меняются местами: «В такой битве кто делает его непобедимым? Любовь, божественная любовь, это ты!» «Ах, Господи, когдалюбишь вас, удовольствия горьки, а кары сладостны!»³¹. Это поведение помогает обратиться в христианство язычнику Валерию: доводы против христианства ему диктовала любовь к удовольствиям. Зачем творец, если небеса запрещают наслаждения, сделал нас способными к ним? Он обратился, видя спокойствие Агапита в муках; он никогда не обладал такой безмятежностью среди удовольствий³².

Рассмотрим пример риторических упражнений (в данном случае стихотворных), которые о. Поре задавал своим ученикам³³. В данном случае речь идет о примерах любви. Их четыре — любовь отцовская, сыновняя, братняя и супружеская. Первая — большая поэма — о полководце, чей доблестный сын погиб в бою и который не захотел пережить его; вторая — на более чем ожидаемый сюжет, о спасении Сципионом Африканским отца в битве при Тицине, братняя любовь превращается в состязание — кто кому уступит доску при кораблекрушении, и погибают оба; в последней поэме Порция, дочь Катона Младшего, не желает пережить покончившего с собой мужа Брута и в свою очередь кончает жизнь мучительным самоубийством. Отметим римскую — не христианскую — доблесть, прославляемую риториками-учениками Поре. Можем ли мы рассматривать последовательность этих поэм как показание об относительной ценности описанных разновидностей любви?

Итак, мы видим, как опытный наставник выстраивает в своих педагогических целях иерархию различных видов любви. Выше всех — иначе и быть не могло — любовь к Господу. Второе место занимает любовь к королю и Отечеству. На следующем ставится родственная любовь; высшая ее форма — отеческая, ниже стоит сыновняя, затем — братняя, и четвертое место занимает супружеская.

Любовь мужчины к женщине (разумеется, и наоборот) сама по себе, вне супружеских уз, не занимает никакого места в этой иерархии. Она представляет собой отрицательную ценность. Ради поддержания этой иерархии Ш. Поре предлагает масштабную программу литературной реформы — хотя бы в школьных стенах. Ради нее он пытается создать для школьников театр столь же впе-

собственной смертью, в то время как самоотожествление с полководцем античности менее правдоподобно» (Р. 218).

³¹ [Porée, 1757. P. 437].

³² Ibid. P. 442.

³³ *Exempla (1717) Exempla amoris a P. Carolo Porée Rhetorices Professore propo-
sita, a selectis rhetoribus scripta, & ab iisdem recitata; Die Veneris Aug. 21.
Anni Dom. 1716. In Regio Ludovici Magni Collegio S. J. Parisiis: Apud Joannem
& J. Barbou, Fratres... Cum Approbatione & Permissu.*

чатляющий, что и «взрослый». Ради нее он обрушивается с критикой на лучших писателей Франции.

Однако все это представляло собой покушение с негодными средствами. Подход Поре противоречил духу нации, который прекрасно выражали три великих драматурга; почтенный наставник не сумел ни на йоту поколебать его. Воспитывая в течение многих лет политическую, интеллектуальную и литературную элиту Франции, пользуясь в ее среде глубоким уважением за свои педагогические и нравственные качества, он не наложил на нее отпечатка своей личности (хотя, вероятно, сумел пробудить или хотя бы подкрепить во многих интеллектуальные, литературные и театральные интересы).

References

- Chevalier J.-F. (2010) La violence dans le théâtre jésuite en France au début du XVIIIe siècle: formes et enjeux d'une réécriture. Armand Colin. *Littératures classiques*, vol. 73, ch. 3, pp. 215–227. <https://doi.org/10.3917/licla.070.0005>
- Demeilliez M. (2019) Théâtre, musiques et danse chez les jésuites de Paris au temps du jeune Voltaire (1704–1711). *Cahiers Voltaire, Société Voltaire / Centre international d'étude du XVIIIe siècle*, vol. 18, pp. 152–162.
- Dupont-Ferrier G. (1921) *Du Collège de Clermont au Lycée Louis-le-Grand (1563–1920) par Gustave Dupont-Ferrier, Professeur Honoraire au Lycée Louis-le-Grand... T. I. Le Collège sous les Jésuites, 1563–1762. Le Collège et la Révolution, 1763–1799*. Paris: Éditions de Boccard.
- Flamarion E. (2002) Introduction. *Théâtre jésuite néo-latin et Antiquité: sur le Brutus de Charles Porée (1708)* (éd. É. Flamarion), Rome: École française de Rome.
- Flamarion E. (2003) Les Orationes panegyricae de Charles Porée (1711–1729): le Jésuite et le Prince au XVIIIe siècle. *L'Éloge du Prince. De l'Antiquité au temps des Lumières* (dir. I. Cogitore, F. Goyet), Grenoble: ELLUG, pp. 355–374. <https://doi.org/10.4000/books.ugaeditions.2690>
- Gallo A.-S. (2015) *Théâtre et identité jésuite: pratique, discours et culture dramatiques de la suppression au rétablissement de la Compagnie de Jésus en France (1757–1828)*. *Littératures*. Université Grenoble Alpes.
- La Servièrre J. de. (1899) *Un professeur d'Ancien Régime: Le père Charles Porée, S. J., 1676–1741*. Oudin.
- Pomeau R. (1952) Voltaire au collège. *Revue de l'histoire littéraire de la France*, 52e Année, vol. 1, pp. 1–10. <https://doi.org/10.3917/rhlf.033.0515>